

6. *Чехов А. П.* Архирей // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М., 1986. Т. 10. С. 186–201.

7. *Чехов А. П.* Невеста // Там же. С. 202–220.

8. *Чехов А. П.* Палата № 6 // Там же. С. 72–126.

9. *Шмид В.* Нарратология. М., 2003.

А. В. Уставщикова

г. Екатеринбург

Иосиф Бродский: миф об идеальном поэте*

Существование мифа об идеальном поэте — закономерный результат многовековой рефлексии над тем, что представляет собой феномен поэтического творчества, что отличает «настоящего» поэта от человека, не наделенного поэтическим даром.

В XX в. миф об идеальном поэте эпохи сложился вокруг фигуры Анны Ахматовой. Она взяла на себя роль хранителя прежней, мощной, дореволюционной, добольшевистской, подлинно национальной культуры.

После ее смерти «титул первого поэта эпохи» органично закрепился за Иосифом Бродским. При всей разности их поэтик, духовная связь Бродского и Ахматовой была очень крепкой. Юрий Кублановский, рассуждая о формировании поэтической индивидуальности Бродского, считает, что именно Ахматова выступила идеалом личности, идеалом творческого поведения для молодого поэта: «Ахматова... сформировала и дисциплинировала его как личность, стала для него каким-то в этом смысле образцом» [9, с. 190]. Современники, друзья и приятели Бродского отмечали: «Ни с кем из поэтов старшего поколения не был он так близок, как с Ахматовой, старшим другом и ментором» [7, с. 7]; «Если проводить линию от Анны Андреевны к Иосифу, то это скорее духовная связь, а не поэтическая» [9, с. 143].

Первое приобщение Бродского к мифу произошло еще до того, как его собственный образ стал приобретать в массовом сознании

* Работа выполнена под руководством д-ра филол. наук, проф. кафедры русской литературы XX и XXI вв. УрФУ Т. А. Снигиревой.

мифологические черты. В 1960-е гг. он принадлежал к кругу тех, кого впоследствии назвали «ахматовскими сиротами», «волшебным хором» и «волшебным куполом». Надо сказать, что ни одно из этих наименований не было самоназванием (кроме собственно номинации «ахматовские сироты», прозвучавшей в стихотворении Д. Бобышева [2]) — иными словами, уже тогда Бродский оказался в пространстве определенного мифа — хоть и не индивидуализированного еще, представлявшего собой органическую часть мифа об Анне Ахматовой.

Но и самостоятельный миф о Бродском как об идеальном, образцовом поэте начал складываться очень рано. В начале 1960-х гг. его стихи обрели необычайную популярность — главным образом, среди молодых представителей литературных кругов Ленинграда. Уже тогда ровесники заговорили о нем как о «гении» и «живом классике». Михаил Мейлах, например, замечает, что «с самого появления на литературной сцене Бродский привлек к себе очень большое внимание. <...> Бродский стал “Бродским” с 1960 года» [9, с. 157]. Виктор Кривулин, при всем своем скептическом отношении к поэзии Бродского, отмечает, что «сила воздействия Бродского на ленинградскую поэзию была настолько ощутима, что те, кто начинал писать, как бы искали контраверсию... которая бы противостояла ему. Вообще, это характерно для русской поэзии. Пушкин, например, настолько монополизировал поэтическое слово, что уже в его время требовалось противостояние» [Там же, с. 171]. Сравнения с Пушкиным, с классиками появляются в воспоминаниях и интервью о Бродском не единожды. Особый статус Бродского отмечали — пусть и сквозь зубы — многие. Даже Анатолий Найман в интервью В. Полухиной, несмотря на нарочитое снижение, некоторую ироничность тона, все же отмечает тот факт, что Бродский очень рано стал заметен в литературных кругах и рано стал писать вызывающие стихи: «Я вспоминаю, таких тогдашних Бродских было человека три в Ленинграде... Тоже такие громкие, громкоголосые евреи, которые читали стихи. Их все время тоже выпихивали откуда-то. С ними была связана репутация, подрывавшая миропорядок» [Там же, с. 33].

Укреплению мифа способствовала драматичность взаимоотношений Бродского и официальной власти. Как справедливо замечает В. Полухина в своей статье «Миф поэта и поэт мифа», «в России мифы густо замешены на крови: быть убитым (Пушкин, Лермонтов, Гумилев), покончить с собой (Есенин, Маяковский, Цветаева), пасть жертвой системы (Мандельштам), попасть в фокус ее продолжительного и неустанного внимания (Пастернак, Ахматова) или, по крайней мере... пережить арест, тюрьму,

психиатрическую больницу, ссылку и высылку» [8, с. 302]. Ключевой точкой отсчета в становлении мифа об «идеальном поэте Бродском», своего рода катализатором стал процесс над «тунеядцем Бродским».

Конфликт Бродского с системой остро переживался его современниками. Представление о том, что времена царят «сравнительно вегетарианские», со всей очевидностью разрушалось на глазах, бесчеловечно-абсурдный и беспощадный молох системы провоцировал чувство беспомощности, абсолютной растерянности. И в фигуре Бродского видели обобщенный образ частного человека, «человека в плаще», просто человека, уничтожаемого абсурдом системы.

Известное восклицание Ахматовой по этому поводу: «Какую биографию делают нашему рыжему!» — сейчас воспринимается как пророческое. Возможно, в то время это была своего рода форма защитной реакции, попытка с помощью иронии справиться с чувством абсурдности происходящего, которое сопровождало судебный процесс. Интересно, что в мемуарах М. Ардова приводится иная формулировка: «Он [Иосиф] как будто нанял кого-то, чтобы ему делали классическую биографию». Эта версия существенно уступает вышеупомянутому прецедентному тексту в афористичности и изяществе, но в действительности несколько точнее описывает происходящее: фраза «он как будто нанял», в противовес неопределенно-личной конструкции «делают биографию», недвусмысленно указывает на то, что главным субъектом, инициатором творения биографии выступает сам поэт, а не таинственные абсурдные силы, управляющие системой.

Таким образом, можно заключить, что предпосылками возникновения мифа о Бродском стали: определенные черты его личности (такие, как заметность и «настырность», указанные А. Найманом), несомненное влияние фигуры Ахматовой (и ее мифа) и тесная духовная связь с ней и, наконец, то, что В. Полухина называет «прямым контактом с историей в столь юном возрасте» [Там же, с. 302] — столкновение с системой: арест, преследования властей, судебный процесс (и поведение на нем), ссылка. Но почему этот миф со временем не угас, а только укреплялся, углублялся, наполнялся все большим содержанием — что же этот миф питало?

С одной стороны, всякий миф, бытующий в массовом сознании, складывается стихийно. Он опирается на определенного рода глубинные желания, представления широкой аудитории. Но с другой стороны, фактически ни один миф не может продолжительное время существовать «сам по себе», не имея источников, не подпитываясь информацией извне.

Философ Р. Барт определяет миф как «коммуникативную систему, некоторое сообщение» [1, с. 265] и подчеркивает, что «мифическое слово создается из материала, УЖЕ обработанного с целью определенной коммуникации» [Там же, с. 266]. Иными словами, для мифа чрезвычайно важен коммуникативный аспект: миф создается с коммуникативной целью, а не самозарождается в диалогическом вакууме. Мифическое слово несет в себе интенцию, оно суггестивно, оно коммуникативно направленно.

Миф об идеальном поэте Бродском, как и любой другой миф, имеет ту же природу. Это именно направленное сообщение, а не самозародившаяся и вольно видоизменяющаяся субстанция. Миф создается вполне намеренно — с целью выполнения конкретной коммуникативной задачи. Если предпосылки его возникновения еще можно назвать достаточно случайными, то дальнейший его генезис и развитие в определенном векторе случайностью не являются.

Со всей уверенностью можно заключить, что начиная с весны 1964 г. Бродский совершенно осознанно начинает активнейшим образом содействовать формированию мифа о себе. Здесь важно отметить, что этот миф — не театральная маска поэта-романтика, не еще одна вариация чайльдгарольдова плаща и не искусственно создаваемый образ в духе мифотворчества Серебряного века (эпатажное «Я гений» Игоря Северянина или «Когда в желтую кофту душа от осмотров укутана!» Маяковского). В отличие от этих «сценических образов», Бродский намеренно выстраивает не только свой внешний облик в глазах аудитории, но и свою собственную судьбу.

Создание мифа ложится в основу всего творческого поведения Бродского, его поступков, жестов, высказываний — как в поэтических текстах, так и в эссеистике и интервью. Так что реплика Ахматовой о биографии, которую «делают», — на самом деле верна лишь отчасти. Бродский уже тогда не доверял создание своей биографии никому: он взял на себя всю полноту ответственности за свою жизнь, за свой образ, за миф о себе. «Но моя жизнь, мое физическое состояние... принадлежит только мне», — писал он в письме, приложенном к завещанию [6, с. 6].

О том, что Бродский сознательно выстраивал свое поведение в соответствии с требуемым образом, писали и говорили в интервью некоторые из его близких.

Например, Анатолий Найман в интервью В. Полухиной утверждал: «Он стал фигурой под прожекторами. Он вел себя на процессе безукоризненно. ...Была в его поведении такая привлекательность, от которой даже щемило сердце. ...Этому стало сопутствовать радио... Подавляю-

щее большинство людей тогда начали восклицать: “Она (слава. — А. У.) пришла! Она пришла сама!”. Это были люди, которые начали говорить: “А вы знаете, какие он стихи замечательные пишет!”... Это имеет, как сейчас говорят, обратную связь. Это подействовало на самого Бродского. Ну, я знаю этот механизм на себе: ты как-то должен себя вести соответствующим образом» [9, с. 35]. Еще более резко высказался Виктор Куллэ: «Бродский ведь появился как фигура идеального поэта... получил некий... пред-титул идеального поэта задолго до того, как стал как-то ему соответствовать... То есть Бродский, по-видимому, старался этому соответствовать» [Там же, с. 255]. Яков Гордин в предисловии к «Диалогам с Иосифом Бродским» Соломона Волкова пишет: «Бродский не совершал случайных поступков. ...Бродский принимал в “делании” своей биографии самое непосредственное и вполне осознанное участие, несмотря на всю юношескую импульсивность и кажущуюся бессистемность поведения» [5, с. 8]. И далее Гордин завершает этот пассаж любопытной сентенцией: «И в этом отношении, как и во многих других, он чрезвычайно схож с Пушкиным» [Там же, с. 9], т. е. вновь появляется замечание о сходстве с Пушкиным, другим «идеальным поэтом». Более того, даже сам факт конструирования мифа — тоже является элементом мифа о Бродском.

Виктор Кривулин в интервью называет такое поведение поэта игрой, хотя подразумевает явно не разыгрывание роли, а ее проживание: «Это, конечно, игра, в которую он играет. Это маска, которая срослась с лицом» [9, с. 171]; «Бродский... литературный политик, литературный полководец... он действительно как бы строит свою стратегию» [Там же, с. 174]. Правда, Кривулин так до конца и не чувствует единство созданного Бродским мифа: «Я не понимаю, как в Бродском сочетается литературная стратегия и подлинные поэтические движения», — пишет он [Там же, с. 175].

Но в этом и состоит ключевое отличие «мифа» Бродского от эпатажного мифотворчества авангардистов или романтиков XIX в.: его творческое поведение не является театральной игрой или маскарадным облачением. Напротив — это искреннее, жесткое проживание собственной судьбы в соответствии с собственной поэзией. Судьба Бродского слагается параллельно с написанием новых поэтических текстов и сама подобна тексту. Бродский создает своего рода диалектическое единство мифа о себе. Тексты, творческое поведение и судьба поэта, таким образом, оказались неразрывно спаяны между собой в единой нарративной структуре, стали различными по форме проявлениями мифа, целостного мифологического образа Бродского. Но, слившись в единое целое, эти

аспекты мифа начали интерферировать, влиять друг на друга. И уже не только сам Бродский выстраивает свою судьбу посредством текста и жеста (творческого поведения), но и наоборот — судьба ведет его, самостоятельно движется по изначально заданному вектору.

Возможно, примерно об этом же, о первом своем наблюдении этого диалектического феномена, он сам пишет в эссе «Меньше единицы»: «Помню, например, что в возрасте лет десяти или одиннадцати мне пришлось в голову, что изречение Маркса “Бытие определяет сознание” верно лишь до тех пор, пока сознание не овладело искусством отчуждения; далее сознание живет самостоятельно и может как регулировать, так и игнорировать существование» [4, с. 255]. Конечно, сама по себе эта констатация, это воспоминание тоже акт мифотворчества. Озвучив эту сентенцию, Бродский как бы дает ключ к своему мифу: «Биография писателя — в покрое его языка» (т. е. поэзия и судьба сливаются воедино, творческое поведение является частью единого текста судьбы поэта).

Пример такой интерференции внутренней интенции и внешних факторов можно увидеть в сопряжении изначального стремления к отчужденности и последующего изгнания. В одном из интервью Бродский упоминает о появлении загадочной, внеличностной силы: «...когда мне было двадцать два или двадцать три года, у меня появилось ощущение, что в меня вселилось нечто иное. И что меня, собственно, не интересует окружение. Что все это... то место, откуда надо уходить. Все то, что произошло, все эти “бенцы”, разрывы с людьми, со страной... это всего лишь иллюстрация такой тенденции ко все большей и большей автономии» [3, с. 526]. Это стремление к отчуждению является одновременно и внутренней интенцией личности Бродского, и внешним фактором. Одной из доминант творческого поведения Бродского становится его асистемность, абсолютная свобода. Владимир Уфлянд называет Бродского «один из самых свободных людей», замечая, что «эта внутренняя свобода проявляется в его поэзии» [9, с. 146]. Именно эта же асистемность была неприемлема для советской власти: сперва это качество было закодировано в казенном ярлыке «тунеядство», а затем послужило причиной изгнания Бродского из страны. Но именно во время судебного процесса и последующей ссылки и в изгнании были окончательно намечены аспекты мифа о Бродском. Таким образом, и творческое поведение Бродского обусловило его судьбу, и – наоборот — внешние события обусловили и последующее поведение Бродского, и определенные черты поэтики его текстов.

-
1. *Барт Р.* Мифологии. М., 2008.
 2. *Бобышев Д.* Я здесь [Электрон. ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/9/bob.html>
 3. *Бродский И.* Книга интервью. М., 2005.
 4. *Бродский И.* Поклониться тени. СПб., 2006.
 5. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2007.
 6. *Гордин Я.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского. М., 2010.
 7. *Лосев Л.* Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М., 2006.
 8. *Полухина В.* Больше самого себя: О Бродском. Томск, 2009.
 9. *Полухина В.* Бродский глазами современников. СПб., 1997

Е. В. Федорова

г. Челябинск

Принцип композиционного монтажа в ритмической структуре прозы М. Цветаевой

Особое внимание в современной науке уделяется лингвистическому аспекту изучения прозы М. Цветаевой — особенностям словообразования, этимологическим связям лексем, функциям повторов. Отдельной перспективной областью исследования прозы поэта является ритмическая структура текстов, проявляющаяся на различных уровнях: фонетическом, лексическом, синтаксическом, а также в особенностях композиции.

Композиционный уровень организации произведения становится макроуровнем формирования ритма прозы, которому исследователи отводят ведущую роль в организации художественного замысла, в выражении концептуального уровня текста [3].

Прозаические произведения М. Цветаевой, как один из авторских вариантов феномена «проза поэта», характеризуются специфическим способом композиционной организации. По замечанию И. В. Кудровой, «читателю, ищущему в прозе фабульного развития, цветаевская проза должна быть попросту скучна» [2, с. 238].